

Магомедшапиева Гидаят Камалудиновна

кафедра литератур народов России и Кавказа Дагестанского государственного университета
ilmiraomarshaeva@mail.ru

Хронотоп в романе А. Абу-Бакара «Манана»

Аннотация:

На основе анализа романа дагестанского писателя А. Абу-Бакара «Манана» выделены три основных временных пласта, связанных между собой с помощью общих тем, персонажей, символов, пространственных ориентиров. Открытый тип пространства (площадь, гудекан, родник и другие места людских скоплений) соразмерен изображаемым событиям, в которых участвует огромное количество людей.

Ключевые слова: хронотоп, пространство, время, лейтмотив, роман, образ, контраст, сюжет, событие, завязка, факт, топонимы, мотив, сходство, характер, повествование, герой, ретроспекция.

Временные и пространственные представления, запечатлеваемые в литературе, составляют некое единство, которое вслед за М.М. Бахтиным принято называть хронотопом (от др. – гр. *chronos* – время и *topos* – место, пространство) [1, с. 34]. Жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом; это ключевой признак жанра вообще и романа в частности. Романский хронотоп «обусловлен характером романной ситуации, передающей личность, микросреду и среду, которые могут находиться в соотношении друг с другом» [2, с. 36].

В анализируемом историческом романе «Манана» дагестанского писателя Ахмедхана Абу-Бакара самым важным героем является Время: «Царствуют времена, а не цари» [3, с. 134]. Романский сюжет, как правило, ограничен в пространстве местом жительства и встречи главных героев, а во времени – тем периодом их жизни, который необходим для становления или проявления их сознания, жизненной позиции.

Биографическое время характеризует «жизненный путь героев, их личностное становление, показывает, как прошлое предопределяет будущее» [4, с. 7]. То, что герои Абу-Бакара постоянно обращают свой взгляд в прошлое, позволяет автору отойти от роли простого хрониста и отказаться от упрощенной эмпирической концепции времени. Временной охват может быть неограниченно широким, темп повествования — неравномерным, прерывистым, зависящим от переживаний героев, их психологического состояния.

Абу-Бакар, как и большинство дагестанских авторов, проводит аналогию между природным времяисчислением и человеческим: так, таинство рассветного часа, напоминающее, по мнению автора, рождение человека, названо в романе самым прекрасным, особенно, если этот рассветный час – весенний. Жизнь человека складывается из чередующихся черных и белых бусинок-четок, отсчитывающих дни и ночи.

Не менее прекрасна осень в Алазанской долине. Это связано и с добрым урожаем, который собрали крестьяне с отобранных у помещиков земель, и красками, какие редки здесь, даже в самую яркую пору... Прекрасна долина, богата она виноградом, очевидно, потому таким сладким, что пропитается он лучами солнца, которые стократ усилены ослепительным отражением от снеговых вершин соседнего Дагестана.

Абу-Бакар, как и полагается автору-хроникеру, пытается создать атмосферу предельной (документальной) достоверности, используя для этого, например, прием

точной датировки описываемых событий. Так, писатель отмечает совершенно особую осень тысяча девятьсот двадцать первого года, когда в воздухе повсюду было разлитое ожидание. Эта осень была какой-то необыкновенной: «...среди множества красок явно преобладал пурпур» [5, с. 470], – авторский намек на цвет крови и революции. Казалось бы, те же горы, та же река, все те же села и деревни, и дороги такие же, что в начале века, – да все не то: под покровом привычного давно назрели перемены, вот-вот готовые прорваться с буйством природной стихии.

Подчас, напротив, невозмутимость окружающего мира, ритм которого не способен нарушить никакое горе, противопоставляется уязвимости, неустойчивости человеческого бытия. Так, природа вокруг героев романа «Манана» Зураба и Вардо наполнена любовью и счастьем, покоем и радостью: над ними синее небо, белые облака, теплое солнце, а под ними – согретая этим теплом и их телами земля. И кажется, ничто в мире не предвещает дурного, нигде нет печали и бед. «А беда уже была близка, как близок к притаившимся в кустах птичкам взгляд остроглазого ястреба, парящего над лугом» [6, с. 46].

Вот над благодатной Алазанской долиной наступает не спокойная для семьи Зураба ночь. Если бы природа могла проявить свое участие в его беде, может быть, небо и луна не были бы такими прекрасными.

Время в литературе реализуется и посредством связи событий: причинно-следственной или психологической, ассоциативной. «Время в художественном произведении – это не только и не столько календарные отсчеты, сколько соотношенность событий» [7, с. 154]. Можно выделить в исследуемом произведении и такие временные пласты, как время испытаний, приключений, биографическое время, время путешествия.

Историческое время обычно кризисное, переломное, беспощадное к частным судьбам. Но иногда и человеку есть, что ему противопоставить: так, в романе Абу-Бакара материнская колыбельная заглушает даже артиллерийскую канонаду, которой «говорит» XX век. Несется над землей колыбельная, и не может она оставить никого равнодушным; под ее звуки человек страстно желает, чтобы под солнцем всем людям было тепло и светло. И спрашивает себя, почему люди, выросшие под эти песни, порой черствеют, становятся злыми и несправедливыми, «будто мало места на земле, под этим голубым куполом, этим чудом, созданным для восхищения разума» [8, с. 4].

В историческом романе настоящее раскрывается через прошлое, прошлое «прорастает» в настоящем, при этом авторское видение играет первостепенную роль. Оно-то и служит своеобразным камертоном в выработке жанрового содержания, образующего концепцию произведения. Чем ближе к нам произведение хронологически, тем и герои его ближе нам как люди, то есть «они более реалистичны, в них меньше эпической возвышенности и гиперболизации, больше психологизма» [9, с. 123].

В романе «Манана» можно выделить три основных временных пласта, связанных между собой (общими темами, персонажами, символами, пространственными ориентирами и т. д.): «это настоящее время, прошедшее время и давнопрошедшее (плюсquamперфектное) время» [10, с. 7]. Настоящее в романе – это революционная пора начала XX века, прошлое – предшествующий период, далекое прошлое – овеянная романтикой эпоха Шамиля. В прошедшем времени заключена завязка событий, происходящих в настоящем: так, история взаимоотношений Зураба и князя Татишвили предопределила последующую драму Мананы. Исследователь Р.А. Абдусаламова выделяет в самостоятельный план время сказки, не включая его в прошедшее время. Объясняет она это тем, что сказочное, легендарное время качественно отличается от просто прошедшего времени. «Помимо того, что оно (время сказки) является давнопрошедшим, оно еще и замкнуто, выключено из исторического счета» [11, с. 7].

Главный хронотоп в анализируемом произведении, как и в подавляющем большинстве других дагестанских исторических романов, – это горы.

Насколько велико значение данного образа для Абу-Бакара, свидетельствует хотя бы тот факт, что автор посвящает ему развернутый пролог, начинающийся своеобразным гимном: «Горы высоко запрокинули в небо украшенные благородной сединой вершины. Смотрят они ввысь, и отступает перед ними горизонт. Кажется, что в гордости своей равнодушны они к тому, что творится у их подножия...» [12, с. 267].

Дагестанским горам противопоставлена Алазанская равнина: казалось бы, ее богатство должно обеспечить всех обитателей. Притягивают взор сливы с сизым налетом, висят краснощекие груши, тяжелый гранат обременяет ветку... «Весело садам и плодам, дорогам и берегам, но невесело людям...» [13, с. 267], – так неожиданно обычный пейзаж обретает социальное звучание. Как становится ясно из дальнейшего повествования, люди угрюмы, потому что эти сочные плоды улыбаются не им, а богачам. А ведь батраки, работающие на них, пролили немало пота, чтобы зацвели эти роскошные сады.

В горах бытует мнение, что даже плохое поле лучше хорошей родни; здесь каждый клочок плодородной земли на вес золота: «Земля здесь людьми сотворенная, лаской согретая, потом политая. И цена этой земли особая» [14, с. 60].

Хронотоп земли (буквально – почвы) раскрывается в произведении Абу-Бакара в реальной и метафизической плоскостях: это лоно для ростков – колыбель новой жизни; одновременно последний приют (хронотоп кладбища); поле битвы, окропляемое кровью то «красных», то «белых», – как видим, это символ немислимых антиномий, слитых воедино. Наконец, это главная причина всех прошлых и, скорее всего, и будущих социальных раздоров.

Прием контраста используется автором часто: так, красота грузинских сел лишь подчеркивает суровость дагестанских земель. Как пишет Абу-Бакар, «вряд ли найдется край угрюмее, суровее и бесплоднее...» [15, с. 240]. Но есть нечто, что их объединяет: это бесчинства, одинаково цинично творимые на столь разнообразных ландшафтах. Исторические события «неразборчивы» в выборе места: даже кладбища не обошли стороной социальные потрясения. В романе Абу-Бакара могилы бедных и богатых резко отличаются друг от друга, кощунственно переводя эту вражду и в загробную вечность. Так, кладбище аульской знати обнесено высокой оградой, в то время как беднота нашла свой последний приют лишь у обочины.

Надписи на памятниках – это роспись самого Времени и человеческой боли. В них запечатлены последствия эпидемий, землетрясений и наводнений или чьих-то тихих кончин. В этих посмертных приветях вся жизненная мудрость: «Это был раб божий, оторвался он от людей, как осенний лист, хотел он один доплыть до другого берега моря Заблуждения, не ведая о том, что у моря Заблуждения нет другого берега...» ; «О, Господь наш, избави нас и всех в округе от покушения шайтана и от злобы хана...» ; «Завещаю вам одну истину — жизнь сокращается, только время обновляется» [16, с. 11]. На могильных плитах бывают и такие заветы-предостережения: «Люди, не будьте похожими на спящих, живите живой жизнью и тренируйте сознание... Кто тратит энергию жизни впустую, тот не достоин памяти...» [17, с. 11].

Открытый, не стесненный границами тип пространства сопровождает, как правило, соразмерные ему широкомасштабные события. Пример тому – площади и другие места людских скоплений. Здесь оглашают важные новости, обсуждают общие горести и радости, наказывают и даже казнят. Это средоточие сельской жизни, где жители традиционно получают хлеб и зрелища: «Вольные дети дикой природы находят время и для потехи, развлечения» [18, с. 11]. Сердце площади – гудекан, превосходящий по своей значимости даже официальный суд, оперирующий неписаными законами, столь почитаемыми всяким горцем.

Еще один вид открытого пространства – родник. Он расположен так, что всему аулу видно, как девушки ходят за водой. Вода – символ созидательной и одновременно разрушительной силы – подобна непредсказуемому людскому потоку. Само название реки *Койсу*, возле которой разворачиваются многие события романа «Манана», дословно значит: «О, оставь меня, вода»; будто вечная мольба, просьба

горцев к водной стихии быть милосердной к ним. Название же селения Ахал-Цкаро значит «Новый Родник»; родник, что в полчасе ходьбы от него, куда древнее, чем все близлежащие поселения. Он известен как родник Серафиты, древней красавицы: ключ бьет из глубины земли, подобно тому, как молва о ней проистекает из глубин веков.

Над всем аулом грозной мачтой корабля возвышается минарет. Именно с него, «словно команда с капитанского мостика» [19, с. 8], звучит призыв на молитву, отвлекающий от земной суеты и направляющий все помыслы ко Всевышнему. Казалось бы, само расположение мечети в пространстве призывает ее служителей к прозорливости и «широкому кругозору», но Абу-Бакар демонстрирует их нарочитую «близорукость»: они слепы по доброй воле и глухи к стонам народа. Предмет их поклонения не Бог, а деньги и власть.

Столь частый в произведениях хронотоп дороги обретает в трактовке Абу-Бакара социальную окраску: «У дороги бедности нет конца» [20, с. 13]. Пролетающий под горой Камнепад путь, который приходится расчищать от глыб вновь и вновь не одному поколению, сродни трудной дороге к свободе. Конца этому камнепаду не видно: отец Жахпара убирал здесь эти камни, отец отца, и так до бесконечности. Вывод таков: трудна человеческая дорога жизни, которую можно сравнить с дорогой путешественника, карабкающегося по тернистой тропинке.

Мотив путешествия, движения как динамика самой жизни, пронизывая все повествование «Мананы», обретает философское звучание: «Ты вышел в жизнь на восходящий свет. Дорога развернулась, точно свиток, – вот белый лист, вот красная строка. Дорога – ввысь» [21, с. 9].

Охват пространства в романе «Манана» довольно широк, что соответствует эпическому размаху данного произведения: это дагестанские аулы, грузинские поселения, Тифлис, Батуми, Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск, Владикавказ, Москва, Стамбул, различные районы Турции. В связи с особенностями сюжета произведения «пространственные границы изображаемых территорий писателем сдвинуты: даргинские и лакские села граничат с Грузией, что не соответствует их реальному географическому положению» [22, с. 13].

Абу-Бакар затрагивает многие исторические топонимы, выступая в роли не только художника, но и историка, географа.

«Много аулов в суровых горах Дагестана, и один не похож на другой, жители каждого выбрали себе не похожую на остальные профессию, чтобы не отбить ненароком чужой кусок хлеба: аул гончаров, аул златокузнецов, аул кузнецов, аул ковровщиц, аул мастеров бурок и войлока, аул суконщиц, каменотесов...» [23, с. 125]. Все аулы самобытны и неповторимы, но объединяет их нужда и неустроенность, казалось бы, столь несовместимые с блеском внешнего признания.

Таким образом, Кавказ со всеми его атрибутами – главный герой романа «Манана»: «Кавказ! В поверьях горских – это всадник. Он, вечно юный и седоголовый...» [24, с. 5].

Автор отходит от слепого следования хронике событий путем постоянных ретроспекций, отказывается от упрощенной эмпирической концепции времени. В качестве излюбленного им времени суток выделим рассвет, а времени года – весну, что становится лейтмотивом обеих частей романа и что вполне привычно для дагестанской литературы вообще. Время действия в романе «Манана», как и во многих других историко-революционных произведениях дагестанских авторов, – это напряженные годы социального слома. Абу-Бакар использует такие традиционные временные формы, как время испытаний, приключений, биографическое время, время путешествия. В романе «Манана» можно выделить три основных временных пласта, связанных между собой с помощью общих тем, персонажей, символов, пространственных ориентиров и т. д.: это настоящее время, прошедшее время и давно прошедшее время. Присутствует также особое время сказки, легендарное время.

Главные хронотопы Абу-Бакар создает по принципу сходства или контраста с человеческим миром. Так, горы в анализируемом произведении, как и в подавляющем большинстве других дагестанских исторических романов, – это символ дагестанского

характера; мир же природы противопоставляется людскому обществу, где социальное неравенство противоречит естеству. Потому лейтмотивом повествования служит описание Алазанской долины – земного рая, оттеняющего ад человеческих страстей.

Даргинский писатель затрагивает многие исторические топонимы, выступая в роли не только художника, но и историка, географа. По мере усиления революционных мотивов, характерного для второй части романа Абу-Бакара, основные события все чаще перемещаются в урбанистические ландшафты – очаги большевизма. Хронотоп дороги обретает под пером Абу-Бакара выраженную социальную окраску, мотив же путешествия, движения как динамики самой жизни пронизывает все повествование «Мананы». Открытый тип пространства (площадь, гудекан, родник и другие места людских скоплений) соразмерен изображаемым событиям, в которых участвует огромное количество людей.

Абу-Бакар использует такие традиционные временные формы, как время испытаний, приключений, биографическое время, время путешествия.

Таким образом, временной и пространственный охват в романе довольно широк, что соответствует его эпическому размаху.

Ссылки:

1. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. М., 1975.

2. Там же.

3. Абу-Бакар А. *Манана*. Тбилиси, 1987.

4. Рамазанова П.К. *Хронотоп в дагестанском историческом романе: автореф. ... дис. канд. филол. наук*. Махачкала, 2005.

5. Абу-Бакар А. Указ. соч.

6. Там же.

7. Лихачев Д.С. *Человек в литературе Древней Руси // Избр. работы*. Л., 1987.

8. Бахтин М.М. *Вопросы литературы...*

9. Поспелов Г.Н. *Проблемы исторического развития литературы*. М., 1972.

10. Абдусаламова Р.А. Указ. соч.

11. Там же.

12. Абу-Бакар А. Указ. соч.

13. Там же.

14. Там же.

15. Там же.

16. Там же.

17. Там же.

18. Там же.

19. Там же.

20. Там же.

21. Там же.

22. Рамазанова П.К. Указ. соч.

23. Абу-Бакар А. Указ. соч.

24. Там же.